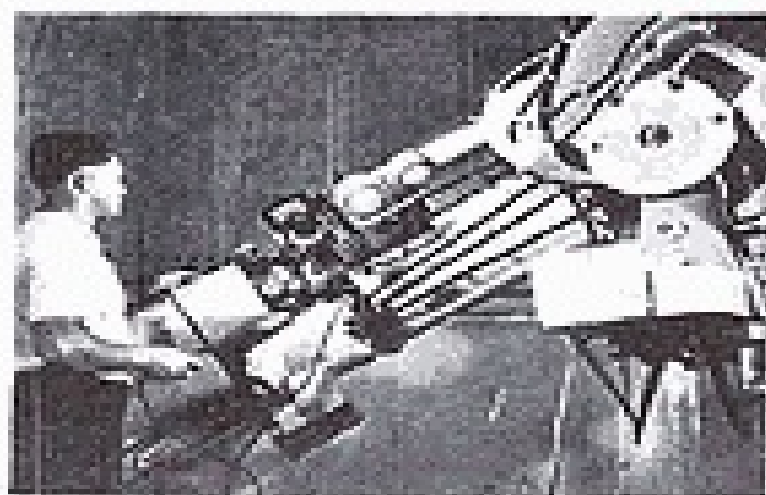

НАУКА И ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

3

1965

● Будущее в ядерной энергетике, по-видимому, принадлежит реактору на быстрых нейтронах: в нем наиболее эффективно накапливается природный уран и таллий ● Среди героев Парижской конференции были и русские женщины ● $E = mc^2$ — эта известная формула символизирует увеличение отношения, а не вторичное и наименьшей при помощи — символом E обозначены свои ученые ● «Не скупиться на добрые слова!» — слова резкие слыты «Разговор в разговоре» ● У стенограммы появилась родственница — стеномашина: доктор Ласла Мольнар изобрел метод быстрого счета ● Весенний вариант: теплые повести плечиком дождя ● Физикатическое: очередное доказательство проводится с помощью расчетов.

Annotation

Рассказ опубликован в журнале «Наука и жизнь», № 3, 1965

В рассказе «Телеграфист Надькин» талантливый русский юморист А. Аверченко (1881-1925 гг.) остро высмеивает апологетов философии эмпириокритицизма и сторонников эгоцентрической морали, проповедовавшей такими писателями, как М. Арцыбашев, Ф. Сологуб, З. Гиппиус.

Рассказ был опубликован в сборнике А. Аверченко «О хороших, в сущности, людях» в 1914 году. В советское время публикуется впервые.

Публикацию подготовил С. Никоненко.

-
- [Аркадий Аверченко](#)

○

Аркадий Аверченко

Телеграфист Надькин

I

Солнце еще не припекало. Только грело.

Его лучи еще не ласкали жгучими ласками, подобно жадным рукам любовницы; скорее нежная материнская ласка чувствовалась в теплых касаниях нагретого воздуха.

На опушке чахлого леса, раскинувшись под кустом на пригорке, благодумствовали двое: бывший телеграфист Надькин и Неизвестный человек, профессия которого заключалась в продаже горожанам колоссальных миллионных лесных участков в Ленкорани, на границе Персии. Так как для реализации этого дела требовались сразу сотни тысяч, а у горожан были в карманах, банках и чулках лишь десятки и сотни рублей, то ни одна сделка до сих пор еще не была заключена, кроме взятых Неизвестным человеком двугривенных и полтинников заимообразно от лиц, ослепленных ленкоранскими миллионами.

Поэтому Неизвестный человек всегда ходил в сапогах, подметки которых отваливались у носка, как челюсти старых развратников, а конец пояса, которым он перетягивал свой стан, облеченный в фантастический бешмет, — этот конец делался все длиннее и длиннее, хлопая даже по коленям подвижного Неизвестного человека.

В противовес своему энергичному приятелю бывший телеграфист Надькин выказывал себя человеком ленивым, малоподвижным, с определенной склонностью к философским размышлениям.

Может быть, если бы он учился, из него вышел бы приличный приват-доцент.

А теперь хотя и он любил поговорить, но слов у него вообще не хватало, и он этот недостаток восполнял такой страшной жестикуляцией, что его жилистые, грязные кулаки, кое-как

прикрепленные к двум вялым рукам-плетям, во время движения издавали даже свист, как камни, выпущенные из пращи.

Грязная форменная тужурка, обтрепанная, с громадными вздутиями на тощих коленях, брюки и фуражка с полуоторванным козырьком - все это, как пожар Москве, служило украшением Надькину.

II

Сегодня, в ясный пасхальный день, друзья наслаждались к полном объеме: солнце грело, бока нежила светлая, весенняя, немного примятая травка, а на разостланной газете были разложены и расставлены, не без уклона в сторону буржуазности, полдюжины крашенных яиц, жареная курица, с пол-аршина свернутой бубликом «малороссийской» колбасы, покривившийся от рахита кулич, увенчанный сахарным розаном, и бутылка водки.

Ели и пили истово, как мастера этого дела. Спешить было некуда; отдаленный перезвон колоколов навевал на душу тихую задумчивость, и, кроме того, оба чувствовали себя по-праздничному, так как голову Неизвестного человека украшала новая барашковая шапка, выменянная у ошалевшего горожанина чуть ли не на сто десятин ленкоранского леса, а телеграфист Надькин украсил грудь букетом подснежников и, кроме того, еще с утра вымыл руки и лицо.

Поэтому оба и были так умирительно-спокойны и неторопливы.

Прекрасное должно быть величаво...

Поели...

Телеграфист Надькин перевернулся на спину, подставил солнечным лучам сразу сбежавшуюся в мелкие складки прищуренную физиономию и с негой в голосе простонал:

- Хо-ро-шо!

- Это что, — мотнул головой Неизвестный человек, шлепая ради забавы отклеившейся подметкой. — Разве так бывает хорошо? Вот когда я свои ленкоранские леса сплавлю, — вот жизнь пойдет. Оба, брат, из фрака не вылезем... На шампанское чихать будем. Впрочем, продавать не все нужно: я тебе оставлю весь участок, который на

море, а себе возьму на большой дороге, которая на Тавриз. Ба-альшие дела накрутим!

- Спасибо, брат, — разнеженно поблагодарил Надькин. — Я тебе тоже... гм!.. Хочешь папироску?

- Дело. Але-гоп!

Неизвестный поймал брошенную ему папироску, лег около Надькина, и синий дымок поплыл, сливаясь с синим небом...

III

- Хо-ррро-шо! Верно?

- Да.

- А я, брат, так вот лежу и думаю: что будет, если я помру?

- Что будет? — хладнокровно усмехнулся Неизвестный человек. — Землетрясение будет!.. Потоп! Скандал!.. Ничего не будет!!

- Я тоже думаю, что ничего, — подтвердил Надькин. — Все тоже сейчас же должно исчезнуть: солнце, земной шар, пароходы разные - ничего не останется!

Неизвестный человек поднялся на одном локте и тревожно спросил:

- То есть... Как же это?

- Да так. Пока я жив, все это для меня и нужно, а раз помру, на кой оно тогда черт!

- Постой, брат, постой... Что это ты за такая важная птица, что раз помрешь, так ничего и не нужно?

Со всем простодушием настоящего эгоиста Надькин повернул голову к другу и спросил:

- А на что же оно тогда?

- Да ведь другие-то останутся?!

- Кто другие?

- Ну, люди разные... Там, скажем, чиновники, женщины, министры, лошади... Ведь им жить надо?

- А на что?

- «На что, на что»! Плевать им на тебя, что ты умер. Будут себе жить, да и все.

- Чудак! — усмехнулся телеграфист Надькин, нисколько не обидясь. — Да на что же им жить, раз меня уже нет?

- Да что ж они, для тебя только и живут, что ли? — с горечью и обидой в голосе вскричал продавец ленкоранских лесов.

- А то как же? Вот чудак - больше им жить для чего же?

- Ты это... серьезно?

Злоба, досада на наглость и развязность Надькина закипели в душе Неизвестного. Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение, кроме короткой мрачной фразы:

- Вот сволочь!

Надькин молчал.

Сознание своей правоты ясно виднелось на лице его.

IV

- Вот нахал! Да что ж ты, значит, скажешь: что вот сейчас там, в Петербурге или в Москве, генералы разные, сенаторы, писатели, театры - все это для тебя?

- Для меня. Только их там сейчас никого нет. Ни генералов, ни театров. Не требуется.

- А где же они? Где?!

- Где? Нигде.

- ?!! ?!!

- А вот если я, скажем, собрался, в Петербург проехал, — все бы они сразу и появились на своих местах. Приехал, значит, Надькин, и все сразу оживилось: дома выскочили из земли, извозчики забегали, дамочки, генералы, театры заиграли... А как уеду - опять ничего не будет. Все исчезнет.

- Ах, подлец!.. Ну, и подлец же!.. Бить тебя за такие слова - и мало. Станут ради тебя генералов, министров затруднять! Что ты за цаца такая?

Тень задумчивости легла на лицо Надькина.

- Я уже с детства об этом думаю: что ни до меня ничего не было, ни после меня ничего не будет... Зачем? Жил Надькин - все было для Надькина. Нет Надькина - ничего не надо.

- Так почему же ты, если ты такая важная персона, не король какой-нибудь или князь?

- А зачем? Должен быть порядок. И король нужен для меня и князь. Это, брат, все предусмотрено.

Тысяча мыслей терзала немного охмелевшую голову Неизвестного человека.

- Что ж, по-твоему, — сказал он срывающимся от гнева голосом, — сейчас и города нашего нет, если ты из него вышел?

- Конечно, нет.

- А посмотри, вон колокольня... Откуда она взялась?

- Ну, раз я на нее смотрю, она, конечно, и появляется. А раз отвернусь - зачем ей быть? Для чего?

- Вот свинья! А вот ты отвернись, а я буду смотреть - посмотрим, исчезнет она или нет?

- Незачем это, — холодно отвечал Надькин. — Разве мне не все равно, будет тебе казаться эта колокольня или нет?

Оба замолчали.

V

- Постой, постой! — вдруг горячо замахал руками Неизвестный человек. — А я, что ж, по-твоему, если умру... Если раньше тебя, тоже все тогда исчезнет?

- Зачем же ему исчезать, — удивился Надькин, — раз я останусь жить? Если ты помрешь, — значит, помер просто, чтобы я это чувствовал и чтоб я поплакал над тобой.

И, встав с земли и стоя на коленях, спросил ленкоранский лесоторговец сурово:

- Значит, выходит, что и я только для тебя существую, значит, и меня нет, ежели ты на меня не смотришь?

- Ты? — нерешительно проямлил Надькин.

В душе его боролись два чувства: нежелание обидеть друга и стремление продолжить до конца, сохранить всю стройность своей философской системы.

Философская сторона победила.

- Да! — твердо сказал Надькин. — Ты тоже. Может, ты и появился на свет для того, чтобы для меня достать кулич, курицу и водку и составить мне компанию.

Вскочил на ноги ленкоранский продавец... Глаза его метали молнии. Хрипло вскричал:

- Подлец ты, подлец, Надькин! Знать я тебя больше не хочу!! Извольте видеть, мать меня на что рожала, мучилась, грудью кормила, а потом беспокоилась и страдала за меня?! Зачем? Для чего? С какой радости?.. Да для того, видите ли, чтобы я компанию составил безработному телеграфистишке Надькину? А?! Для него я рос, учился, с ленкоранскими лесами дело придумал, у Гикина курицу и водку на счет лесов скомбинировал. Для тебя? Провались ты! Не товарищ я тебе больше, чтоб тебе лопнуть!

Нахлобучив шапку на самые брови и цепляясь полуоторванной подметкой о кочки, стал спускаться Неизвестный человек с пригорка, направляясь к городу.

А Надькин печально глядел ему вслед и, сдвинув упрямо брови, думал по-прежнему, как всегда он думал: «Спустится с пригорка, зайдет за перелесок и исчезнет... Потому, раз он от меня ушел, зачем ему существовать? Какая цель? Хо!»

И сатанинская гордость расширила болезненное, хилое сердце Надькина и освещала лицо его адским светом.